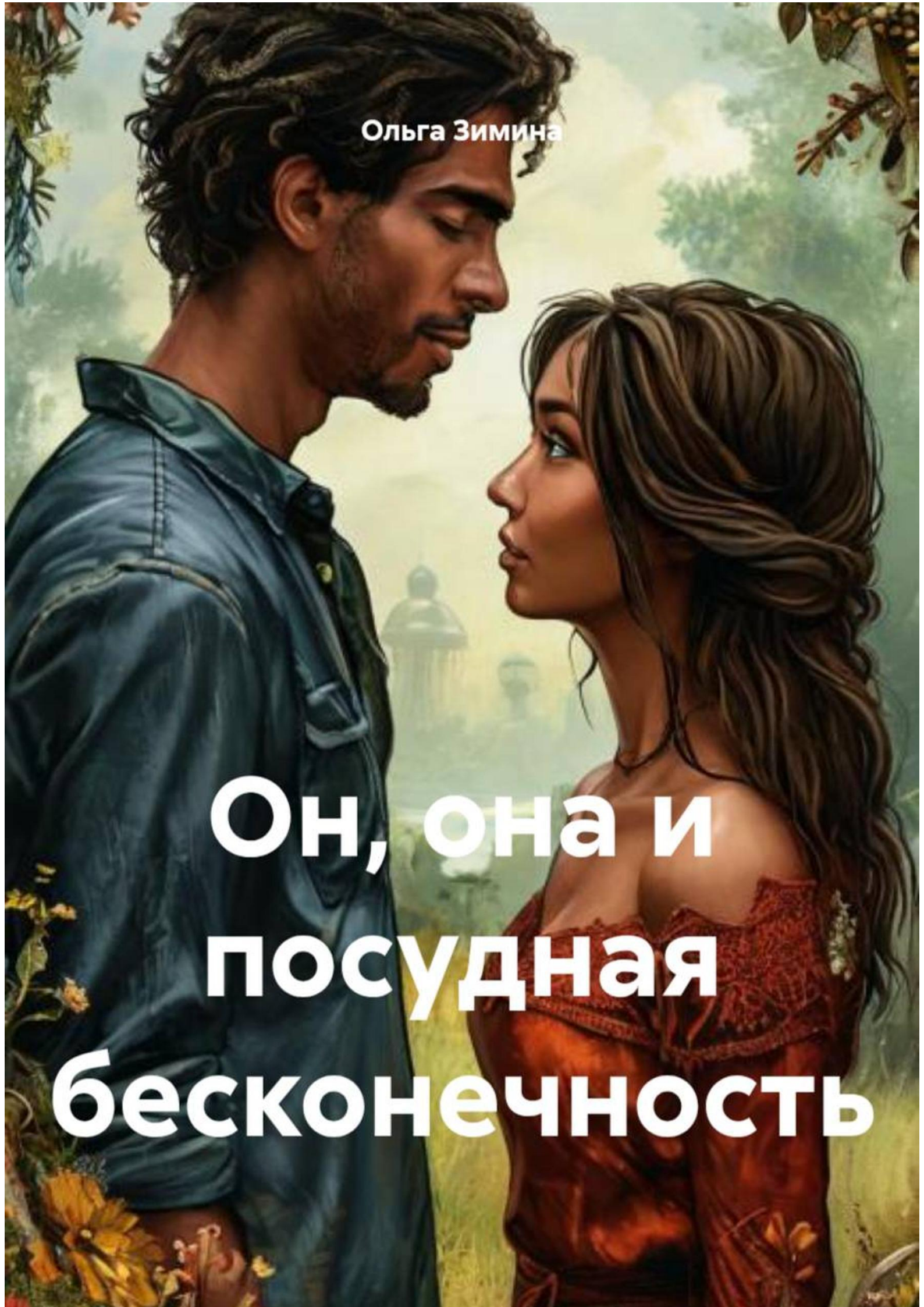

A romantic illustration of a man and a woman in a garden. The man, on the left, has dark, wavy hair and a light beard, wearing a dark blue leather jacket. The woman, on the right, has long, wavy brown hair and is wearing a red, off-the-shoulder dress with lace detailing. They are facing each other in profile, looking into each other's eyes. The background is a soft-focus garden scene with green foliage and a white stone balustrade in the distance. The overall style is painterly and romantic.

Ольга Зимина

Он, она и посудная бесконечность

Ольга Зимина

Он, она и посудная бесконечность

«Автор»

2026

Зими́на О. С.

Он, она и посудная бесконечность / О. С. Зими́на — «Автор»,
2026

Сборник рассказов на вечную тему. Что объединяет истории любви студента из Африки и девушки-органистки из Петербурга? Получится ли у героев рассказов найти и сохранить хрупкое ощущение трепета перед волей Провидения?

© Зими́на О. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Ольга Зими́на

Он, она и посудная бесконечность

Глава

Перевертмейстерша

Настоящим музыкантам мамы застёгивают пуговицы вплоть до выпускного. Приносят в музыкальную школу термос с тёплым протёртым супчиком и робко стучат в дверь кабинета:

— Зайчик, умоляю: выпей хоть несколько глоточков, у тебя же гастрит!

Мать Жени временами не могла вспомнить имя дочери и говорила так:

— Ты, этгтаа, жрать есть чо? Нет? – и снова роняла голову на грязную подушку.

— Сейчас, мама, я что-нибудь придумаю поесть, – шептала маленькая Женя. От матери несло немытым телом и перегаром. За окном сотней голосов пела бесконечная вьюга, батареи совершенно не грелись. Какие уж тут гаммы и этюды?

Но Женя всё же смогла. Никто не знал, чего стоило ей вырваться из плена покосившегося провинциального барака и поступить сперва в музыкально-педагогический колледж, а затем и в университет – не фунт изюму – на факультет искусств. Никаких особых талантов у девушки не наблюдалось. Неизменно тиха, безупречно пунктуальна – вот и все достоинства. На специальность "орган" в тот год брали всех желающих, умеющих хоть немного нажимать на клавиши.

Женя почти не выступала в качестве солистки, но была незаменимым человеком на факультете: мыла стаканы после студенческих посиделок, безотказно приходила на концерты однокурсников, когда у тех возникала необходимость в ассистенте – переворачивала нотные странички и переключала органные регистры. Студенты называли её Перевертмейстершей. Женя никогда не обижалась – ей нравилось помогать и приносить пользу.

Училась она еле-еле, играла простые произведения, не требующие использования педальной клавиатуры органа. Ни техники, ни темперамента...

Внешность Перевертмейстерши никогда не становилась предметом обсуждений – лишь однокурсник, китайский студент, которому как-то понадобилась помощь ассистента на концерте, попросил своего профессора:

— Передайте, пожалуйста, девушке с такой причёской – он изобразил пальцами прямую чёлку – что я прошу подойти её на репетицию к половине третьего.

— Кого вы имеете в виду? – спросил профессор, – Евгению, наверное?

— Не помню, как её зовут. Она некрасивая, как будто не из России. В России все девушки — красотки, — ответил поганец.

Профессор Борис Иванович тщательно скрывал ото всех, что различает китайских студентов только по расписанию: пришёл в пять – значит, Чжао, в шесть – Хуа.

— Смотри-ка, а они нас, оказывается, умеют друг от друга отличать. Ну, по крайней мере, девушек, – неразборчиво пробормотал профессор себе под нос. А студенту, взглянув на часы, громко ответил:

— Конечно, Чжао, я позвоню Евгении.

С этого момента Борис Иванович, человек свежеразведённый и ещё вполне бодрый, начал присматриваться к безотказной ученице. Ему срочно требовалась жена: лишенный женской ласки профессорский быт стремительно летел в тартарары – за полгода в доме закончились все чистые носки. Профессор попытался их проветривать на балконе, но это почему-то помогало слабо. Заклинанием, включающим стиральную машину, он не владел.

Борис Иванович с ужасом начал замечать: когда он подсаживается на уроке поближе к какой-нибудь симпатичной студентке, дабы собственноручно показать особенности артикуля-

ции барочной трели, девушка морщит нос и старается отползти по гладкой органной скамье подальше.

– Это печально, но предсказуемо. Пора искать новую жену, – подумал хитрый профессор. — Надо составить план!

В голове у него играл баховский ми-бемоль мажор, мешал сосредоточиться на проблеме.

Предыдущая жена Бориса Ивановича – статная, красивая органистка Светлана – не вернулась с зарубежных гастролей. Заблудилась где-то между Веной и Зальцбургом, написала профессору дружеское письмо: утомилась стирать носки, завязывать шнурки и листать ноты гению – будет строить свою карьеру. Зла не держит, но лишний раз беспокоить её всё же не надо.

– Ах, вот как, зла она не держит! – бурчал Борис, – а добра ты тоже не помнишь? А кто тебя, добрую, так выучил, что ты теперь можешь в Вене концерты давать?

Сперва – сразу после исчезновения Светланы – профессор задумал жениться на певице Марине, с которой выступал уже много лет. Та была ярка, сильна, остра на язык — привлекала внимание, будоражила воображение творческого человека, – но как раз в этом-то и таилась опасность. Предложи эдакой диве собрать по квартире ворох грязных носков – что она скажет? Возможно, Марина вполне успешно справилась бы с задачей, но профессор не желал рисковать.

– Нет уж, теперь я буду умнее, – сказал себе Борис, пытаясь завязать скользкие шнурки на старой зимней обуви. – Женюсь на самой невзрачной и хозяйственной девушке! Женюсь на Жене!

Пальцы его, только что – на репетиции – с немыслимой быстротой и точностью порхавшие по клавишной клавиатуре, в данный момент категорически отказывались заниматься прозаичной и низменной деятельностью. Профессор кое-как запихнул непокорные верёвочки внутрь ботинок и пошёл к метро, неловко загребая ногами свежий вечерний снег.

— Да подумаешь – чёлка идиотская, – размышлял он вслух, осторожно пробираясь вдоль канала по бугристому льду и заставляя остальных прохожих испуганно ускорять шаг, – девушка очень даже милая, не акула какая-нибудь.

В Вене играть никогда не будет.. Приодеть, причесать... Кажется, она мне давно нравится, но я об этом до сих пор не задумывался!

Вечером он позвонил Жене и включил свой самый бархатный голос:

– Евгения, я попрошу вас ассистировать на моём концерте в следующую субботу.

"Вы избраны королевой бала!" – услышала Женья.

– Хорошо, Борис Иванович, я согласна, – ответила девушка сдержанным – истинно королевским – тоном, хотя сердце её заколотилось от восторга.

– Помните, Евгения: очень важно будет правильно разложить ноты, проверить все стра-нички, – строго сказал профессор.

– Я всё сделаю, – твёрдо пообещала студентка.

Профессора Женья боготворила. Собственно говоря, не попади она по контрамарке своего захудалого музыкального училища на его сольный концерт – поступила бы в институт на логопеда. Хорошая специальность — денежная, спокойная. Но в голову Жени проник и навек впечатался злокозненный ми-бемоль мажор.

Она мечтала стирать его носки. Чувствуя запах запущенного тела, Женья не воротила нос – наоборот! – мечтала обнять источник. Отмыть в ванне с душистой пеной, любовно застегнуть пуговицы на отглаженной белой рубашке. Купить ему, дурню, наконец-то, ботинки на липучках.

На ужин она сварганила бы что-то вкусное, уютное – нежный крем-суп из мякоти пузатой оранжевой тыквы, пышные оладьи с брусничным вареньем. Готовить Женья совершенно не умела, но была уверена: по такому случаю – мигом научится.

Накануне концерта у неё тряслись руки. Быть ассистентом органиста – адский стресс. Стоя за спиной музыканта, помощник следит, какой такт в данный момент играет исполнитель. Иногда странички приходится листать очень быстро – и одновременно с этим нужно успевать замечать в нотном тексте торопливо начириканные пометки музыканта о смене тембра органа. Горе ассистенту, который случайно включит громоподобное Tutti в момент, когда должно звучать нежное соло флейтового регистра.

"Главное – это проверить, в каком порядке разложены ноты!" – думала Женя, засыпая в крошечной, вылизанной до блеска комнатке общежития. Всю ночь ей снился бесконечный бег по тёмным запутанным лабиринтам — она мчалась, звала на помощь и не могла отыскать вход в зал, где должна помогать любимому педагогу.

Перед сольным выступлением Борис всегда нервничал. Стоял на балконе рядом с инструментом, пытался унять дрожь в руках. Он знал, что все неприятные ощущения пройдут после первого аккорда, но злился, что примостившаяся позади на органной скамье девушка может уловить его состояние неуверенности и легкой паники. Профессор любил казаться сильным, спокойным и загадочным – особенно перед женщиной, которую он всерьёз рассматривал в качестве потенциальной укротительницы своих грязных носков.

У Жени от ужаса кружилась голова.

— В токкате перевернуть страницу и сразу выдернуть регистры три, пять и восемнадцать, – мысленно повторяла она, наблюдая, как быстро наполняется слушателями просторный зал лютеранской кирхи, — в фантазии не забыть включить тремулант!

Когда начался концерт, волнение лишь усилилось. Женя поняла, что едва успевает одновременно следить за стремительным бегом фуги и нащупывать на инструменте нужные кнопки и рычаги. У неё пересохло во рту, голова кружилась от мощного рёва органных труб.

Профессор впал в трансное состояние – ритмично тряс длинными седеющими кудрями, хрипло шептал какие-то диковинные слова. Все его конечности двигались слаженно и точно. Там, где Женя ошибалась, он молниеносно исправлял ситуацию — выдёргивал или задвигал нужный регистр, не останавливаясь и не обращая внимания на помощницу.

К концу концерта Женя немного расслабилась — всё шло гладко, самые сложные произведения были позади. Но беда, как известно, всегда приходит в самый неожиданный момент. В финальной пьесе ноты не были склеены – их нужно было постепенно сдвигать влево. Выключая язычковый регистр, Женя рукавом свитера зацепила последнюю страничку хоральной прелюдии – нотный лист слетел с подставки прямо на педальную клавиатуру. Женя открыла рот в беззвучном визге. На секунду ей захотелось броситься с балкона вниз головой.

Профессор продолжал играть как ни в чём не бывало, – даже крошечной паузы не сделал. Женя пыталась подобрать злосчастную бумажку но она, как в страшном сне, лишь улетала, проваливалась ещё глубже под органную педаль...

После заключительной речи пастора и оваций музыканты по традиции пошли отмечать событие – глубоко в недрах церкви для этой цели была запрятана специальная тайная комнатка.

Женя тихо ревела. Кто-то добрый – кажется, Чжао, а может, Хуа, – не спрашивая о причине рыданий, плеснул ей коньяка в чашку с горячим чаем, но слёзы по-прежнему текли безостановочно.

– Женечка, почему ты плачешь? Что случилось? – ласково спросил Борис, внезапно переходя на "ты". Он наконец-то дослушал восторженные поздравления от коллег и студентов. Шнурки на органных туфлях маэстро, как всегда, неприкаянно болтались. Женя, медля с ответом, присела на корточки и начала их завязывать.

– Борис Иванович, я так виновата перед вами, – всхлипывала она.

– Ты о чём? – спросил он, притворяясь озадаченным.

— Ну, как же, я уронила ноты...

– Ноты? Не помню. Вроде бы всё прошло гладко.

– Вы не заметили, что одной странички не хватает? Неужели вы все произведения знаете наизусть?!

– Женечка, милая, я играю этот репертуар всю жизнь. Плох и скучен тот концерт, на котором не улетела нотная страничка. О чём мы с тобой будем вспоминать на старости лет, как не об этих маленьких приключениях?

– Вы и вправду на меня не сердитесь? – Женя всё ещё не могла поверить в своё счастье: её не собирались прогонять.

– Как я могу на тебя сердиться? – профессор нежно обнял её и слегка привлёк к себе, вызвав завистливые вздохи других студенток. – Ты только что виртуозно выполнила то, что я делать так и не научился – завязала бантиком эти проклятые шнуры! Ты так нужна мне, дорогая Женя! Прошу тебя, будь рядом со мной всегда, пообещай ронять мои ноты и впредь

Солист

– Хочешь шоколадку? – соседка по купе, назвавшая себя при знакомстве Стасей, вновь – в третий раз за утро – начала немилосердно шелестеть фольгой.

"Как же ты не лопнешь-то?" – с досадой подумала Лика. Вслух она выдавила из себя решительное и твёрдое: "Нет!"

– Хочешь, хочешь, глаза у тебя голодные, – с понимающей улыбкой вздохнула Стася, – но фигурку бережешь. А мне бы – наоборот! – чуток откормиться за время пути. Муж мой женщин в теле любит.

Соседка по купе была – по меркам Лики – не очень-то молодой, но худющей, как пятнадцатилетняя школьница. Она фантастически, совершенно по-ящерчьи гнулась во все стороны. Лике мерещилось: если сейчас дотянуться и ухватиться за тонкую соседкину щиколотку – нога легко оторвется, останется в руках, извиваясь, соскользнёт на пол и заживёт отдельной жизнью...

Ехали далеко – из Москвы во Владивосток; два места в купе оставались незанятыми.

– Немного нашлось желающих провести неделю своей единственной жизни в поезде, верно? – сказала Стася при знакомстве, деловито копаясь в чемодане в поисках спортивного костюма.

– Угу, — промычала Лика. Ей не хотелось общаться. Билет на поезд она купила исключительно потому, что хотела в полной мере насладиться долгим бессмысленным времяпрепровождением. В принципе, ей было всё равно, куда поехать, так почему бы не на Дальний Восток? Говорят, там красиво.

Как же это здорово: мерно чух-чухает вагон, тонко голоса стаканы в подстаканниках, – а ты лежишь на верхней полке и бездумно таращишься на удивительные для жителя мегаполиса дремучие ельники, бесконечные деревянные домишки – интересно, кто там живёт? О чём думают жители этих безымянных деревень? Есть ли у них надежды на будущее, тайные переживания, глубокие страсти?

Лика – будущий сценарист – лелеяла мечту написать на каникулах нечто совершенно потрясающее, но уставший от длинной сессии мозг напрочь отказывался заниматься какой-либо деятельностью.

Впрочем, сейчас отдохнуть не получалось: Стася, по всей видимости, была настроена болтать с утра до ночи. Иногда Лика морщилась, но терпела, пытаясь уловить в болтовне что-нибудь годное для её творческих набросков. Иногда отворачивалась к стенке, делая вид, что дремлет.

– Знаешь, я к тридцатнику всяких мужиков навидалась... Один пил. Другой считал себя гением и позволял за собой ухаживать – так, знаешь, снисходительно: "Ну ладно, можешь приехать и приготовить мне ужин, если очень хочешь..."

– Ооооо, – вздохнула Лика, вспомнив своего однокурсника Родиона.

– Что, знакомо? – отреагировала Стася.

– Ага. У меня друг так мне всегда говорит. В какой песочнице их всех обучают, а?

– Это мы позволяем так себя вести... Прыгаем вокруг них, крыльями машем... Всё потому, что они нам нужнее, чем мы им.

– Ну да, ну да, – Ли́ка вздохнула. Подобная мысль её тоже посещала.

– Так вот. Мне когда тридцатник стукнул, я наутро после празднования проснулась и думаю: так, стоп, каковы итоги трёх десятилетий моей жизни? Ни мужа, ни детей, ни карьеры. Надо что-то срочно придумать... И полезла я прямо в утра на сайт знакомств.

– Ужас, – прокомментировала Ли́ка, – там же только маньяки и психбольные!

– Есть такое. Но я – как мне казалось – поступила умнее. Понимаешь, у меня чёткий план был, кого я хочу найти. Я решила, что мне нужен муж, которым я смогу руководить: простой, без образования, без претензий. Чтобы я ему сказала: иди и вон там полку повесь прямо сейчас – и он пошёл. А потом тихо утопал футбол по ящику смотреть. Заработок – пофиг, я и сама заработаю, пусть хоть дворником трудится. Я – востребованный репетитор, к ЕГЭ учеников натаскиваю, ко мне очередь стоит... Мне что от мужика нужно было? Чтобы женился сразу, а не мотал нервы пятнадцать лет.

Ли́ка чуть поморщилась. Стасины откровения вызывали у нее сложные чувства: вроде бы интересно, но до чего же неприятно, когда тебе откровенно демонстрируют изнаночные швы чьей-то благополучной с виду семьи...

– Так вот. Я же не просто сайт знакомств нашла – сайт для православных. Я сама в церковь хожу не очень часто, но мужики православные мне нравятся... Я думала: вот найду себе такого, на попа похожего, чтобы борода лопатой, голос низкий, шалопинский бас-профундо. Или чтобы реально был батюшкой. Чтоб избу своими руками отстроил бревенчатую, родить с ним пятерых... Ну вот такие фантазии, понимаешь?

Ли́ка не понимала. Примерила на себя и испугалась: "Чур меня, чур! Я такого вроде бы пока не хочу! Или тоже хочу?!"

Она неуверенно кивнула, предлагая собеседнице продолжить монолог.

– Ну и начали мне писать... Вроде хорошие все, а как начнёшь копать – оооооой!!!

Стася закатила глаза.

– Неадекваты?

– Да сложно сказать. Один по внешности – точь-в-точь моё. И вот он пишет таковы слова: я пчеловод, жить будем на моей территории, на хуторе, будешь мне помогать по хозяйству. А мне оно надо – жить на хуторе да коз пасти? Я привыкла в театр пр три раза в неделю ходить!

– Да, понимаю!

Ли́ка представила себе жизнь без театра и её даже немного затошнило в припадке отвращения к деревенской жизни.

– В общем, не срослось. Дальше пишет ещё один – этот сразу о воспитании будущих детей речь завёл. Говорит: как слово родителям попере́к скажут – сразу в угол, на колени, на горox. Помолятся часок-другой – больше не будет помыслов отцу-матери возражать.

"Господи, – думаю, – что ж ты за урод? Ты в каком веке живёшь, дядя?" В общем, забанила его без разговоров

– Правильно сделала! – вставила Ли́ка.

Её рука вдруг сама собой потянулась с верхней полки к призывно распротёртой на столике шоколадке.

– Ты бери, бери! У меня большой запас! – Стася выложила ещё одну – мятную – плитку и начала ломать её на дольки. – Дальше – совсем псих мне попался. С виду-то ничего, симпатичный, ухоженный. А встрети́лась я с ним – он как начал вещать про Судный день! Да на всё кафе, не стесняясь. Я его прошу говорить потише, а он только ещё громче орёт: "«И увидел я великий белый престол и Сидящего на нем, от лица Которого бежало небо и земля, и не нашлось им места. И увидел я мертвых, малых и великих, стоящих пред Богом..." Ну, я

сбежала оттуда быстренько, конечно. Сказала, что отойду на минуту, а сама – прыг в первый попавшийся автобус. Как в остросюжетном фильме.

– Оооо! И что дальше?

Лика так увлеклась рассказом, что и думать забыла про подсчёт калорий – самозабвенно катала языком во рту горьковатую массу.

– Приехала домой – и ну рыдать. Нет на свете адекватного мужа для меня!

При этих словах Лика содрогнулась: эта мысль уже приходила и в её юную голову.

"Да ну, не может такого быть! Кого-нибудь обязательно найду, " – успокоила себя Лика.

– Но я решила: "Да ну, кого-нибудь обязательно найду," – отозвалась Стася. – В итоге, знаешь, я уже начала обращать внимание на тех, кого раньше просто блокировала. И вот написал мне такой Миша. С виду-то неказистенький, невысокий, простой повар в какой-то столовке. Но на безрыбье... Смотрю: общается вежливо, бред не несет. Решила: схожу с горя на свидание. Никаких надежд не питала, ничего не загадывала.

– Иииииии?!

– И он мне ужасно не понравился. Скучный, даже туповатый. В театре никогда не был, после букваря ни одной книги не прочитал

– Ууууууу

– Вот тебе и "у". Но я пошла на второе свидание. И знаешь почему?

– Больше никто не звал? – спросила Лика, катая во рту фундук, попавшийся в шоколаде.

– Звали... Но ты знаешь, вёл он себя прилично... Цветок принёс – красивую бордовую хризантему, не пошлые "розовые розы, ааааа", – Стася, кривляясь, пропела фразу из старого шлягера. В кафе заплатил за кофе. Пригласил на лодке покататься.

– И что, этого достаточно?!

– В двадцать лет мне этого было бы недостаточно, я бы и внимания не обратила на такого. А после тридцати – реально как в анекдоте: "мечтаешь познакомиться с хорошим дантистом".

Лика анекдот не знала, но суть поняла. На миг ей стало невыносимо грустно, нет, даже не грустно – тошно! Это что же значит, пройдёт не так уж много лет, и она вынуждена будет соглашаться на отношения с непроходимыми тупицами — за пирожок в кафе и жалкий цветочек?

– И что дальше? Не томи!

– Ну а что дальше? Покатались на лодке, сходили за грибами, в парке гуляли... Месяца два встречались. Сделал он мне предложение. Всё честь честью: кольцо в коробочке, на колено встать не поленился. У меня было ощущение, что всё это он делает по шаблону... Да так оно и было. Посмотрел какой-то сериал, скопировал героя.

– Грустно

– А знаешь, нет! Не грустно – скучно. Никаких ссор, непонимания, ожидания звонков, мокрой от слёз подушки. Всё предсказуемо, надёжно, спокойно. Но повода грустить не было – я получила что хотела. Сходили в ЗАГС, затем обвенчались, я к нему переехала... Квартира, кстати, у него в Подмоскovie хорошая. От родственников осталась.

Стася сделала паузу, разворачивая новую плитку — мятную.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.